

Российские латиноамериканисты — герои Великой Отечественной войны

Материал посвящен воспоминаниям ныне здравствующих ученых-латиноамериканистов об их участии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ученые-латиноамериканисты.

Всё дальше уходит в историю Великая Отечественная. Уже 65 лет минуло после ее победного завершения. Немалая роль в завоевании победы принадлежит нашим старшим коллегам-латиноамериканистам. Их вклад и в науку трудно переоценить. Большинства уже нет с нами, но хотелось бы всех назвать поименно: **Владимир Михайлович Мирошевский** — историк, один из зачинателей отечественной латиноамериканистики, работал в Институте марксизма-ленинизма, преподавал в МГУ. Погиб в московском ополчении в 1942 г.; директор Института Латинской Америки АН СССР (1966—1993), член-корреспондент АН СССР **Виктор Вацлавович Вольский**, Герой Советского Союза, это звание получил за участие в Яско-Кишинёвской операции;

В.В.Вольский, 1945 г., Чехословакия

д-р ист. наук, профессор Института общественных наук **Борис Тимофеевич Руденко**; зав. сектором стран Латинской Америки Института всеобщей истории АН СССР, д-р ист. наук, проф. **Николай Матвеевич Лавров**; зав. сектором культуры ИЛА, д-р ист. наук **Владимир Александрович Кузьмищев**; литературовед, писатель, канд. филол. наук **Лев Самойлович Осповат**; зав. сектором Андских стран ИЛА, канд. ист. наук, радиожурналист **Юрий Александрович Зубрицкий**; ответственный секретарь журнала «Латинская Америка» (1973—1990) **Борис Семенович Волов**; **Михаил Сергеевич Кузнецов**, аспирант Московского городского педагогического университета, сразу после защиты диссертации по Мексике в 1941 г. ушел на фронт добровольцем, погиб в 1942 г.

С читателями журнала своими воспоминаниями делятся ныне здравствующие наши замечательные коллеги. Дай Бог им здоровья на многие годы!

МОИСЕЙ САМУИЛОВИЧ АЛЬПЕРОВИЧ, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Начну с того, каким образом я стал латиноамериканистом. На первое место надо, пожалуй, поставить влияние моего учителя В.М.Мирошевского. Я встретился с ним впервые весной 1939 г., когда он приступил к чтению лекций на III курсе исторического факультета МГУ, где я учился. Нарисованная им красочная картина событий, столь не похожих на все изучавшееся ранее, своеобразное переплетение социальных, политических, экономических, национальных, региональных противоречий, живые портреты и запоминающиеся характеристики исторических персонажей захватили меня новизной и необычностью.

Не могу не отметить и другое обстоятельство: внимание к Латинской Америке, особенно среди студенческой молодежи, объяснялось тогда в известной мере и резким ростом интереса к Испании и к испаноязычному миру вообще в связи с гражданской войной 1936—1939 гг.

...Итак, выбор был сделан. Решив специализироваться по латиноамериканской истории, я прослушал специальный курс Мирошевского и его лекции по историографии и источниковедению стран Латинской Америки. Но тут я вынужден оторваться от этой благополучно-идиллической картины.

...Утром 22 июня 1941 г. в читальном зале Фундаментальной библиотеки по общественным наукам на улице Фрунзе, где я безмятежно занимался, сдав накануне последний госэкзамен, меня, как и всех, кто там находился, ошеломила чудовищная весть о нападении на нас гитлеровской Германии.

С 1 июля вместе со многими моими однокурсниками я уже трудился на строительстве оборонительных сооружений: сперва в Смоленской, потом в Брянской и других областях, а в середине октября 1941 г. был призван в ряды Красной Армии, естественно, в качестве «рядового необученного». В начале 1942 г. наша 146-я стрелковая дивизия была переброшена под Москву, где развертывалось гигантское зимнее контрнаступление войск Западного фронта. В марте мы, в том числе и батарея 76-мм пушек 698-го стрелкового полка, где я тогда служил, приняли «боевое крещение» в упорных боях на Вяземском направлении. Ну, а дальше были еще три года войны — на Западном, 2-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах: в Латвии, Польше, Восточной Померании. И, наконец, мне посчастливилось участвовать в историческом Берлинском сражении.

Завершающей стадией операции были, как известно, бои за правительственный квартал, где находились рейхстаг, имперская канцелярия, министерства пропаганды и иностранных дел. Этот район входил в полосу 3-й ударной армии, в штабе которой я тогда состоял в должности начальника следственной части разведотдела. 30 апреля после взятия рейхстага бои переместились в район имперской канцелярии,

М.С.Альперович, май 1945 г., Берлин

куда подошли и войска соседних с нами армий — 5-й ударной и 8-й гвардейской.

Напомню, что на рассвете 1 мая к командующему 8-й армии генералу Чуйкову был доставлен начальник германского генерального штаба сухопутных сил генерал Кребс, передавший письмо Геббельса и Бормана на имя И.В.Сталина, где сообщалось о смерти Гитлера и их желании вступить в переговоры. О нем было доложено маршалу Жукову и передано в Москву. В ответ советское командование потребовало безоговорочной капитуляции, но гитлеровцы отказались, и после временного затишья вечером 1 мая бои возобновились. Никакой уверенности в правдивости сведений о смерти Гитлера в тот момент, разумеется, не было: это вполне могло быть дезинформацией со стороны нацистской верхушки.

Между тем в ночь на 2 мая при попытке прорыва вражеской группировки из имперской канцелярии в полосу нашей армии в числе других был захвачен в плен молодой человек в солдатской шинели, оказавшийся вице-адмиралом Фоссом — личным представителем командующего военно-морским флотом гросс-адмирала Дёница при ставке Гитлера. Командование приказало мне немедленно допросить его. Фосс сообщил о самоубийстве Гитлера (указав точное время: 30 апреля, 15 час. 30 мин.) и о сожжении трупов его и Евы Браун. У Фосса был изъят документ, направленный 1 мая Геббельсом и Борманом Дёницу с извещением о смерти Гитлера и назначении гросс-адмирала его преемником на посту главы государства. Фосс заявил также, что в составе группы, предпринявшей неудачный ночной прорыв, находился Борман, Геббельс же якобы отказался в нем участвовать и остался в имперской канцелярии.

Утром 2 мая группе офицеров разведотдела 3-й армии было приказано приступить к поискам нацистских главарей — живых или мертвых, либо их следов в имперской канцелярии. Вскоре туда с той же целью прибыли представители разведки и контрразведки 79-го стрелкового корпуса, в полосу которого непосредственно входила канцелярия. Недалеко от запасного выхода из фюрер-предкера мы обнаружили обожженные трупы мужчины и женщины — предположительно Геббельса и его жены. Их перевезли в тюрьму Плетцензее, где размещался отдел контрразведки 79-го стрелкового корпуса. Утром 3 мая в одном из подземных убежищ имперской канцелярии были найдены трупы шести детей с признаками отравления, а также труп генерала Кребса.

В тот же день было проведено их опознание, для чего привлечены вице-адмирал Фосс, техник гаража имперской канцелярии Шнайдер и повар Ланге, хорошо знавшие Геббельса и его семью. Сперва мне пришлось тщательно и придирчиво допросить их, что было делом весьма сложным, учитывая крайнюю подавленность, нервозность и тяжелое

психическое состояние Фосса. Затем состоялась формальная процедура опознания в присутствии группы генералов и офицеров во главе с начальником управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенантом Вадисом, и результаты ее были зафиксированы в специальном акте. Его подписали 13 человек — главным образом контрразведчики. От войсковой разведывательной службы были начальники разведотдела штаба 3-й армии и ваш покорный слуга.

Однако следов Гитлера обнаружить не удавалось. Вечером вместе с начальником контрразведки 79-го корпуса и Фоссом мы опять отправились в канцелярию. Провели там довольно много времени, но ничего не нашли. Выйдя наружу, приблизились к сухому бассейну, где лежало много трупов. И тут Фосс, подойдя к одному из них, воскликнул: «Да вот же он!», но вскоре сам усомнился. И все же, когда на следующий день в воронке близ выхода из бункера были обнаружены сильно обгоревшие мужской и женский трупы, на них не обратили особого внимания и опять закопали. Вспомнили о них лишь после того, как вечером 4 мая выяснилось, что найденный накануне труп — вовсе не Гитлер. Рано утром 5 мая контр-разведчики 79-го корпуса потихоньку (так как канцелярия тем временем уже перешла в полосу 5-й ударной армии) снова извлекли оба трупа и доставили их в отдел контрразведки 3-й армии...

Конец войны застал меня в северо-восточном пригороде Берлина — Бухе. Очень хорошо помню слова приказа, изданного по штабу армии 8 мая 1945 г.: «В связи с окончанием военных действий в Европе с сего дня светомаскировку отменить».

Прослужив после войны еще около полутора лет в составе Группы советских оккупационных войск в Германии, в августе 1946 г. я демобилизовался, а в ноябре того же года был зачислен в аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР, возобновив прерванные войной научные занятия.

Последние годы, среди прочего, занимаюсь «Предтечей» независимости Латинской Америки Франсиско де Мирандой. Думаю, что понимание его наследия помогает современным россиянам развивать отношения с нынешней Венесуэлой и другими странами Латинской Америки*.

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ БЕЛЯЕВ, кандидат исторических наук, член Союза журналистов, не одно десятилетие проработавший старшим научным сотрудником ИЛА

...Лето 1941 г. Я заканчиваю 1-й курс Московского института истории, философии и литературы. На 24 июня назначен последний экзамен, мой любимый предмет — история античной литературы.

В воскресенье 22 июня я по радио услышал выступление Молотова, извещавшего о нападении Германии. Я поспешил выйти на улицу. Подлинность и страшная неотвратимость этого события вскоре стали очевидны. В четвертом часу появились группы людей, провожающих то ли добровольцев, то ли тех, кто уже получил повестки. К военкомату с гар-

* Напомним, что в мае 2000 г. Моисей Самуилович Альперович был награжден венесуэльским Орденом Франсиско де Миранды I степени.

В. П. Беляев, 1943 г., под Ельней

мошками двигались подвыпившие молодые парни и слышалось задиристое «мы им дадим», «мы им покажем». Взрослые же шли с озабоченными лицами.

В понедельник я поехал в институт. Был митинг, комсомольцам предлагалось не покидать Москву, я сдал последний экзамен. По направлению комсомольской организации нас, группу однокашников, послали работать на стройку по расширению военного завода неподалеку от общежития нашего института — на Преображенке. Мы что-то носили, копали, подавали на леса кирпич. Многие московские студенты вскоре ушли в ополчение. Участь большого числа ополченцев была трагической. Я ее избежал, так как еще до начала войны в военкомате меня записали в авиацию, а ополчение

было пехотой. Хорошо помню сон, который видел после призывной комиссии: я «летел» почему-то над Лондоном под огнем зениток. В то время в наших газетах писали о немецких бомбардировках Англии. А в ночь на 22 июля мне пришлось уже наяву наблюдать первую бомбардировку немцами Москвы.

Наконец, 9 августа пришла повестка из Сокольнического военкомата. Была жаркая погода, я направился в клуб им. Русакова налегке — в одной рубашке, с узлом.

Скоро я стал курсантом 4-го взвода 7-й роты 2-го батальона Рязанского пехотного училища им. Ворошилова. Наш батальон был сформирован из московских студентов и обучался по краткосрочной программе, которая была составлена по принципу «всего понемножку». В октябре 1941 г. мы чуть не угодили на передовую: немцы подходили к Москве, нам дали рубеж обороны под Рязанью. Скоро, однако, училище перевели в г. Иваново, где в начале января 1942 г. мы прицепили на петлицы гимнастеров по два зеленых лейтенантских «кубаря» (как говорили тогда). Так из студента-гуманитария я превратился в командира Красной Армии. И мне было еще только 18 лет.

Вспоминая участие в первых боях на фронте, хотелось бы высказать необычную душевную тревогу, которая владела мною. Это трудно передать словами. Было очень страшно не только от свистящих ударов мин, от треска разрывных пуль, от грохота авиационных бомб. Страх охватывал от того, что на летевших над нами самолетах виднелись ужасные опознавательные знаки — черные кресты и коричневые свастики; солдаты бежали в чужой, незнакомой форме, в страшных «ненаших» касках. Это «чужое» заставляло осознать, что все происходящее вокруг — это что-то беспощадное, злое, очень опасное и мощное. Не умом, а каким-то иным чувством мы понимали, что враг намного сильнее нас, это вселяло в сердце тревогу, рождало отчаяние. Помню, это состояние, близкое к панике, усиливалось психологическими приемами немцев. Самый эффективный из них — включение сирен пикирующих на нас бомбардировщиков.

Позднее, уже после войны, я узнал, что тот мой первый бой был участием в безуспешных попытках нашего Северо-Западного фронта не дать немцам вырваться из окружения в районе г. Демянска, что юго-восточнее Старой Руссы. Пребывание на Северо-Западном фронте (с начала весны 1942 г. до конца весны 1943 г.) было для меня трудной, страшной и вместе с тем волнующей и незабываемой порой первых шагов от юношеского легкомыслия к мужской зрелости. Именно в этот первый фронтовой год, в свои 19 лет, я должен был осознать всю меру моральной ответственности за свои слова и поступки. До сих пор я с искренним недоумением вспоминаю о том, что мне пришлось отдавать приказы, касавшиеся судьбы многих взрослых мужчин, годившихся мне в отцы. Трудно было освободиться от тревожного чувства возможной вины. Некоторое оправдание поистине роковой роли фронтового командира применительно к себе я нахожу только в том, что никогда не проявлял инициативы ради личного успеха, с недоверием относился к тем приказам сверху, которые не учитывали возможные потери людей. Ведь иногда ради того, чтобы «отрапортовать», солдат посылали на смерть. Такое случалось во второй половине войны, когда брали крупные города, столицы государств. Помню, когда наша часть дралась за г. Двинск (Даугавпилс), это было уже в 1944 г., командир дивизии кричал по телефону: «Опередите соседнюю дивизию любой ценой, хоть огонь открывайте по своим, но чтобы вошли в город первыми!».

...Я был на фронте два с половиной года. Не хочу преувеличивать тяготы, которые претерпел, не могу и не отметить, что почти непрерывно воевал в пехоте. Не было у меня таких поводов для длительного отдыха в тылу, как легкое ранение, направление на какие-либо курсы и т.д. Как говорили во время войны, не пришлось «кантоваться».

Не считаю себя героем, на фронт пришел не добровольцем, а по призыву, как подавляющее большинство. Однако не допускал и мысли укрыться — тоже вместе с большинством. Прошел путь от лейтенанта до майора, и это последнее звание получил в 21 год. Успешную «карьеру» отношу за счет влияния трех факторов: вполне удовлетворительное в то время для военного общее образование, врожденная дисциплинированность и ответственность и, наконец, обычная крестьянская способность находить выход из трудных положений на основе простого здравого смысла. Навсегда храню в сердце чувство благодарности к моим старшим товарищам по должности и по возрасту за их доброе отношение ко мне.

Я благословляю судьбу и благодарю Бога, что он сохранил мне жизнь в те юные годы и дал трудное счастье пройти вместе с соотечественниками по стольким дорогам прекрасной древней русской земли, познать солдатское братство, радость встреч, горечь разлук, иметь истинных друзей, любить, страдать — испытать всю полноту человеческих чувств.

Попад в армию со студенческой скамьи, я внутренне пережил нелегкий переход от одного круга интересов к другому. Я не отказался от очарования гуманитарной учености, к которой только-только прикоснулся накануне войны, но как бы слил его воедино с романтической любовью к оружию и воинским знакам отличия, с почетной принадлежностью к офицерскому званию. Конечно, я идеализировал тогда мое положение и мое будущее, плохо знал жизнь. То, что должно было наступить после победы над Германией, воспринималось нами тогда как время, когда мы, фронтовики, бу-

дем законно играть более значительную и более благородную роль в обновленном обществе. Нет, война — это очень плохо даже в молодости, и мой опыт подтверждает это. В 21 год я стал инвалидом, и это даёт о себе знать в течение всей моей жизни. Из-за войны я не реализовал себя, собственные возможности, которые ощущал, вступая в лучшую пору жизни. В самые плодотворные четыре года — от восемнадцати до двадцати двух — я не прочитал ни одной книги. Став вновь студентом в 1945 г., — я поступил тогда в Московский государственный институт международных отношений — я уже мало чем напоминал сам себе того юношу, который с широко раскрытыми глазами жадно всматривался в книгу знаний. Вскоре после окончания института я стал работать в Радиокomitee в редакции радиовещания на Бразилию и Португалию, позже — возглавил её. Вкус к интеллектуальным занятиям вернулся ко мне только после сорока лет, в 1962 г., когда я пришел в Институт Латинской Америки в сектор культуры, которым руководил всеми нами любимый В.А.Кузьмищев, тоже бывший фронтовик. Но, как говорится, поезд уже ушел. Хотя я стал кандидатом — в 1970 г. защитил диссертацию на тему «Народное просвещение стран Латинской Америки и некоторые проблемы их социально-экономического развития» и опубликовал десятки научных работ, я, кажется, в чем-то так и не смог догнать того мальчика из 16-й комнаты на Стромынке. Верно говорят: всему свое время. И не один я из людей моего поколения был обречен то и дело с тоской говорить себе: если б не эта война!

И тем не менее я верю в то, что слава и нашей армии, и нашей науки не будут поколеблены трудным временем перемен в стране, и мы будем свидетелями их обновления, подлинно общественной роли в том современном демократическом государстве, на пути к которому делаем пока первые шаги.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ КУДАЧКИН, Герой Советского Союза, доктор исторических наук, долгие годы возглавлял сектор Латинской Америки Международного отдела ЦК КПСС

Родился я в 1923 г. в семье крестьянина в Сталинградской области, в селе Горный Балыкей. Как и всех ребят моего поколения, а вернее сказать, моего возраста, война застала меня сразу после окончания десятилетки. 16 июня состоялся выпускной вечер. Мы читали друг другу стихи, а я тогда увлекался Есениным, веселились, радовались, что предстоит вступить в новую жизнь. Казалось, открыты широкие дороги, все зависит только от тебя самого... Это было время какого-то невиданного подъема и вдохновения. Каждый из нас уже сделал свой выбор.

Я жил тогда с родителями в Сталинграде. У нас была хорошая дружная семья. Отец работал на заводе «Красный Октябрь». Стоял разгар лета. Мы — ребята и девчата — собрались в тот воскресный день 22 июня вместе. И вдруг в 12 часов — выступление по радио Молотова: на нашу родину напала гитлеровская Германия. Сразу рухнули все планы, все мечты. Мне не было еще 18 лет, а я хотел драться с фашистами. Ровно через месяц — 22 июля — был призван в армию. Попросился в летное училище. Но, видимо, «рожденный ползать летать не может». И действительно, всю войну провел в пехоте — «царице полей». Направили меня в Урюпинское воен-

но-пехотное училище, которое закончил в январе 1942 г. Дали мне лейтенанта, назначили «ванькой взводным», т.е. командиром стрелкового взвода. Это та часть командного корпуса, жизнь которого на фронте была самой короткой.

Боевое крещение получил в Крыму в феврале 1942 г. Я еще захватил то страшное время, когда наша армия отходила с тяжелыми боями. Мне тоже пришлось пережить горечь отступления: в мае 1942 г. мы оставили Керчь. Пришлось многое пережить, о чем трудно говорить и поныне. Как сейчас вижу, бегают по берегу моря растерянный Лев Мехлис — крупный политработник и представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте, любимец Сталина, и жалобным голосом причитает: «Братцы, куда же вы, стойте». Но армия немцев, руководимая одним из самых умелых их полководцев Манштейном, была тогда сильнее нас. А Мехлиса, как не сумевшего обеспечить организацию обороны, сняли со всех постов.

...Я разделся, привязал к голове обмундирование и документы, на пояс оставил лишь пистолет и поплыл через пролив. Хотя я и получил осколок в щеку, но силы еще были, да и плавал я хорошо — все-таки вырос на Волге. Никогда не забуду старика-рыбака, который выловил меня и еще нескольких красноармейцев из воды и, утешая и подбадривая, перевез на другой берег... Вторую рану я получил позже от немецкого снайпера, вогнавшего до этого пулю в лоб моему командиру, с которым я летал вторым номером у пулемета. Этот выстрел врага был не таким точным, как первый...

Мне в какой-то мере сопутствовало счастье, я всегда оказывался на основных участках главных сражений. После Сталинграда — Курская дуга, затем Белорусская операция 1944 г., потом — форсирование Вислы, освобождение Варшавы и выход на Одер. Ну и финал войны — Берлинская операция, где я, уже капитан, командовал штурмовым стрелковым батальоном с приданной нам техникой: танками и даже самолетами. Такие батальоны создавались по одному в армии. Передо мной поставили задачу: быть на острие наступления на Берлин. Нам удалось добиться успеха и довольно быстро закрепиться на его окраинах, создать плацдарм для дальнейшего штурма города, ворваться в крепость Шпандау, которая потом стала местом пожизненного заключения одного из нацистских главарей Гесса. Враг, хотя и был уже обречен, сражался яростно. Дрались за каждый квартал, за каждый дом. Вот за успешное выполнение этого задания мне и было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом была встреча с американскими союзниками на Эльбе, куда мы вышли с боями. Но Золотую Звезду я получил только в 1946 г.

Таков вкратце мой боевой путь. Много было пережито, несколько раз был ранен, но все обошлось более или менее удачно.

М.Ф.Кудачкин, 1945 г., Берлин

... Война закончилась. Еще полгода я служил в Германии в составе советских оккупационных войск. Очень хотелось поскорее вернуться домой.

Съездил в родной Сталинград, повидался с сестрой. А в ушах звучали есенинские строки:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На переключке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был столько лет.
Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп...

Через всю войну я пронес заветную мечту — учиться, стать квалифицированным специалистом, приносить пользу моему народу. Приехал в Москву, демобилизовался в звании майора, встретился с фронтовиками, такими же, как и я, — в шинелях, гимнастерках, с орденами, медалями, с ленточками за ранения... Начали спрашивать друг у друга, кто куда идет учиться. Решил было поступать в Институт внешней торговли. Потом подумал, что коммерсанта из меня не выйдет. И сейчас понимаю, что оказался прав. И вот услышал, что есть вуз, выпускники которого связаны с внешнеполитической деятельностью. Узнал его адрес. Приехал в Московский государственный институт международных отношений. За время войны многое из школьной программы позабылось, поэтому пришлось очень серьезно заниматься, чтобы сдать экзамены. Но это, конечно, легче, чем воевать. Готовились мы, вчерашние солдаты, с каким-то, я бы сказал, остервенением. Словом, экзамены сдал успешно и поступил в МГИМО.

Именно здесь и начался мой путь в латиноамериканистику. Студентов, занимавшихся испанским языком, было мало. Это естественно: ведь Латинская Америка была далеко от нашей страны во всех отношениях. Контакты — как государственные, так и дипломатические — были весьма ограниченными. Мало было и литературы об этом загадочном для нас, студентов, континенте. Почему стал изучать испанский? Потому что большинство студентов изучали раньше, в школе, немецкий, английский или французский. А испанский язык в наших школах не «проходили». Поэтому все начинали с нуля, все были одинаково подготовлены, вернее, одинаково не подготовлены. И я был доволен выбором. У нас было хорошо поставлено преподавание. Его вели испанцы-республиканцы, которые приехали в СССР после гражданской войны в их стране. Вот так определилась моя дальнейшая судьба. Заниматься «пылающим континентом» было действительно интересно. И теперь могу уверенно сказать, что и надежды, и труд оправдались. Сейчас, в XXI в., Латинская Америка для нас ближе и понятней. Идет активный обмен визитами на высшем уровне, налажены широкие экономические, торговые и культурные связи.

После окончания института я поступил в Академию общественных наук, которую окончил в 1954 г. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Закон взаимного обеспечения безопасности Соединенных Штатов как нарушение элементарных норм международного права». Бывшие союзники по «горячей» войне были тогда уже противниками по «холодной». Много позже, в 70-х годах, занимаясь проблемами рабочего и коммунистического движения, защитил докторскую на тему «Опыт борьбы за единство и победу левых сил в Чили», в которой незадолго до этого я был советником-посланником в нашем посольстве. Это было в годы правления президента-демохристианина Эдуардо Фрея Монтальвы. Именно он в 1964 г. восстановил дипломатические отношения Чили с нашей страной. Довелось встречаться в Сантьяго и с будущим президентом-социалистом Сальвадором Альенде, и с Нобелевским лауреатом поэтом Пабло Нерудой, еще в годы войны создавшим «Песни любви Сталинграду», столь дорогому мне родному городу.

Около 30 лет я проработал в Международном отделе ЦК КПСС. В своей практической и научной деятельности занимался проблемами рабочего и коммунистического движения. Через несколько лет после военного переворота в Чили участвовал в обмене попавшего в концлагерь лидера чилийских коммунистов сенатора Луиса Корвалана на советского диссидента Буковского. Но это лишь эпизод.

Хочу вспомнить еще одного фронтовика — танкиста Костю Курина, ныне покойного. Он после работы в советском посольстве в Аргентине пришел в наш сектор, ведал связями с мексиканскими коммунистами и сандинистами Никарагуа. Недавно я прочитал в «Латинской Америке» интервью с нынешним президентом Никарагуа, с которым в 80-х годах тесно общался Константин Николаевич. Рад, что Даниэль Ортега отозвался о нем с большой теплотой.

А в целом могу сказать, что наши контакты с различными политическими силами Латинской Америки всегда служили и служат делу мира, свободы, демократии, социального прогресса и национального освобождения. За это я воевал, ради этого трудился в мирное время.

Материал подготовили В.Е.ТРАВКИН, Т.А.ТАРАТУТА